

КАФЕДРА
ЕВРЕЙСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР
УНИВЕРСИТЕТСКОГО
ПРЕПОДАВАНИЯ ЕВРЕЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЕВРЕЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
В ИЕРУСАЛИМЕ

Еврейская речь

№ 3

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2015

—

ИЕРУСАЛИМ
5776

DEPARTMENT
OF
JEWISH CULTURE
AT

SAINT PETERSBURG STATE
UNIVERSITY

THE INTERNATIONAL CENTER FOR
UNIVERSITY TEACHING OF JEWISH
CIVILIZATION

THE HEBREW UNIVERSITY
OF JERUSALEM

The Jewish Speech

No 3

ACADEMIC JOURNAL

SAINT PETERSBURG
2015

—

JERUSALEM
5776

Редакционный совет С. Асланов (Иерусалим), Н. Б. Вахтин (С.-Петербург),
К. Дубнова (Иерусалим), Ю. Н. Кондракова (Москва),
П. Ю. Скородумова (Москва), М. Рыжик (Иерусалим),
М. А. Членов (Москва), Г. Эстрайх (Нью-Йорк).

Редакционная коллегия *Главные редакторы:* И. Р. Тантлевский (Санкт-
Петербургский государственный университет),
М. Таубе (Еврейский университет в Иерусалиме).
Общая редакция: Е. Б. Марьянчик (Межрегиональ-
ный центр преподавания иврита).
Исполнительные секретари: И. Н. Шпирко (Санкт-
Петербургский государственный университет),
В. В. Федченко (Санкт-Петербургский государст-
венный университет).
Технический секретарь: Н. М. Кузнецова (Санкт-
Петербургский государственный университет).

Editorial Council С. Aslanov (Jerusalem), N. Vakhtin (St. Petersburg),
K. Dubnov (Jerusalem), Y. Kondrakova (Moscow),
M. Ryzhik (Jerusalem), P. Skorodumova (Moscow),
M. Chlenov (Moscow), G. Estraikh (New York).

Editorial Board *Editors-in-chief:* I. Tantlevskij (St. Petersburg State
University), M. Taube (The Hebrew University of
Jerusalem).
General editing: E. Maryanchik (The Interregional
Center for Hebrew Teaching).
Executive secretaries: I. Shpirko (St. Petersburg
State University), V. Fedchenko (St. Petersburg State
University).
Technical secretary: N. Kuznetzova (St. Petersburg
State University).

Все публикуемые в журнале *Еврейская речь* статьи проходят экспертную оценку
All contributions submitted to *The Jewish Speech* are peer-reviewed

ISSN 2312-1912

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2015
© Еврейский университет в Иерусалиме, 5776
© Коллектив авторов, 2015

Содержание

Об авторах	7
<i>И. Тантлевский (С.-Петербург, Россия), Е. Марьянчик (Ашдод, Израиль). Предисловие от редакции журнала «Еврейская речь»</i>	<i>9</i>
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	
<i>Е. Борисевич (Минск, Беларусь), А. Брук (г. Иерусалим, Израиль). К вопросу о методике преподавания грамматической темы «Определенный артикль в иврите» русскоязычным студентам</i>	<i>12</i>
<i>И. Баркусская (Москва, Россия). Интенсивный курс иврита для сотрудников Библиотеки Шнеерсона</i>	<i>29</i>
<i>Ю. Кондракова (Москва, Россия). Двойное отрицание в иврите.....</i>	<i>36</i>
<i>А. Кравцова (Москва, Россия). Практика дистанционного обучения в рамках курсов повышения квалификации преподавателей иврита</i>	<i>44</i>
<i>Т. Панова (Москва, Россия). Контактные явления в глагольной морфологии бессарабского идиша.....</i>	<i>54</i>
СТАТЬИ НА ИВРИТЕ	
<i>Н. Говрин (Тель-Авив, Израиль). Как глина в руках горшечника (Тенденции связи с Танахом в современной литературе на иврите).....</i>	<i>71</i>
<i>О. Мацов-Коен (Ариэль, Израиль). «Наша Катастрофа?» Катастрофа еврейского народа в литературе на иврите. Сравнительное исследование.</i>	<i>87</i>
<i>И. Вайс (Хайфа, Израиль). Переложение истории Ноя для детей: сравнение версий и нравственных выводов</i>	<i>112</i>
<i>С. Асланов (Иерусалим, Израиль). Синтаксическое явление дислокации в разговорном иврите: внешнее влияние или внутреннее развитие?</i>	<i>121</i>
<i>С. Ялов (Иерусалим, Израиль). «Народная адаптация» заимствованных существительных в современном иврите</i>	<i>170</i>
<i>П. Скородумова (Москва, Россия). Некоторые аспекты лексикализации в иврите</i>	<i>177</i>

Contents

<i>About authors</i>	7
<i>I. Tantlevskij (St. Petersburg, Russia), E. Maryanchik (Ashdod, Israel). Foreword: From the Editorial Board of “The Jewish Speech”</i>	9
ARTICLES IN RUSSIAN	
<i>E. Borisevich (Minsk, Belarus), A. Bruk (Jerusalem, Israel). On Teaching the Grammar Topic “The Hebrew Definite Article” in a Russian Speaking Class</i>	12
<i>I. Barkusskaya (Moscow, Russia). The Intensive Course in the Hebrew Language for the Shneerson Library Staff</i>	29
<i>Y. Kondrakova (Moscow, Russia). Double Negation in Hebrew</i>	36
<i>A. Kravtsova (Moscow, Russia). The Practice of Distant Qualification Improvement for Hebrew Teachers</i>	44
<i>T. Panova (Moscow, Russia). Contact Effects in Bessarabian Yiddish Verbal Morphology</i>	54
ARTICLES IN HEBREW	
<i>N. Govrin (Tel-Aviv, Israel). Like Clay in the Potter's hand. Trends in the Relationship of Modern Hebrew Literature and the Bible</i>	71
<i>O. Matsov-Cohen (Ariel, Israel). 'Our Holocaust'? On the Holocaust Experience. A Comparative Research</i>	78
<i>I. Weiss (Haifa, Israel). The Story of Noah for Children: Comparison of Versions and Changes in the Story's Message</i>	79
<i>C. Aslanov (Jerusalem, Israel). Information Structure in Spoken Hebrew: External Influence or Inner Development?</i>	79
<i>S. Yalov (Jerusalem, Israel). Popular Adaptation of Foreign Nouns in Current Hebrew</i>	79
<i>P. Skorodumova (Moscow, Russia). Some Aspects of Lexicalization in Hebrew</i>	79

Т. А. Панова (НИУ ВШЭ)

КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ГЛАГОЛЬНОЙ МОРФОЛОГИИ БЕССАРАБСКОГО ИДИША¹

В настоящем исследовании рассматриваются записи, которые были сделаны в экспедиции по документации языка идиш в Бессарабии в 2012 году. Все носители — би- или трилингвы, причем русский язык, в отличие от румынского, имеет большое влияние на их устный вариант идиша. Опираясь на словари и грамматики, можно однозначно отделить результаты недавнего влияния русского языка от более ранних контактов с другими славянскими языками, которые отражены в нормативном варианте восточного идиша. В данной статье рассмотрены изменения в глагольной структуре, которые затрагивают словарь и синтаксис.

Ключевые слова: идиш, языковые контакты, лексические заимствования

1. Материал

Записи, сделанные в экспедиции по документации устного идиша в 2012 году. Было опрошено 26 носителей идиша в возрасте от 65 до 90 лет.

Все носители би- или трилингвы (языки: идиш, русский, реже — румынский). Участники экспедиции общались с информантами только на идише. Языком интервью был идиш, причем некоторые участники экспедиции не владели русским языком, что стимулировало информантов говорить по возможности только на идише, однако в речи носителей все же присутствовало большое количество лексических элементов из русского языка. Можно условно поделить носителей на три группы по количеству и по характеру

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 14-05-0074 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2014–2015 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность М. А. Денизлю и Е. С. Лучиной за помощь в проведении исследования.

таких употреблений, что соответствует их уровню активного владения идишем:

- *Слабые* носители могут начать предложение на идише, но, сказав несколько слов, переключаются на русский
- *Неуверенные* носители могут медленно порождать текст на идише, но с большим количеством переключений кодов
- *Уверенные* носители в ситуации диалога могут произнести монолог на идише

Для всех носителей характерно использование русских лексем и адаптация их в грамматическую систему идиша. Поскольку для многих носителей идиш не является языком ежедневного общения, грамматическая система могла претерпеть изменения, характерные для языков в ситуации языкового сдвига. В данной работе будут рассмотрены явления, для которых есть основания полагать, что они возникают благодаря тесному контакту с русским языком.

Все диалекты восточного идиша представляют собой результат языковых контактов с различными славянскими языками. Мы будем рассматривать случаи адаптации русских глагольных основ, ограничив их список теми глаголами, которые не задокументированы в работах, описывающих литературный язык, т.о. исключая лексем, которые были заимствованы в идиш на более ранних этапах контактов с другими славянскими языками.

2. Заимствованные глаголы в идише

Заимствованные из разных языков глаголы могут быть оформлены согласно грамматическим правилам идиша. Есть две модели заимствования лексем, которые в идише становятся глаголами.

1. Перифрастические глагольные конструкции. Смысловая часть такого глагола представлена в неизменяемой форме: это может быть заимствованное причастие, прилагательное или существительное — лексема, внутренняя структура которой с точки зрения идиша не прозрачна для носителей. Спрягаемая часть — это легкий глагол (*zajn быть, hobn иметь, vern становиться, тахн делать, тон делать, немэн брать, zogn говорить*). Такие конструкции используются как с германскими лексемами (*fajnt hobn нена-*

видеть), так и для оформления заимствований (преимущественно из семитских (1), но также и из славянских языков):

- (1) *ix bin im təkane*
 я быть.1SG он.DAT <завидовать>
Я ему завидую

Возможно эта модель продуктивна для заимствований из семитских языков. Но продуктивность ее для заимствований из славянских языков по крайней мере спорна — в грамматиках и литературе встречается ограниченное количество повторяющихся примеров.

2. Другая модель адаптации заимствованной основы в глагольную морфологию идиша — оформление этой основы по правилам морфологии идиша. Продуктивность этой модели подтверждается тем, что многие зафиксированные заимствования оформляются по этой модели:

dokaž-ən добиваться (польский: *dokazać* достичь), *nadž-ən* манить (белорусский: *надзіць* влечь, манить) .

Многие грамматические значения в идише выражаются аналитически. Это в изъявительном наклонении прошедшее и будущее время, а также сослагательное и повелительное наклонение. Формы настоящего времени, причастия, инфинитив и деепричастие являются синтетическими формами с ограниченным набором флексий, и многие формы с разным грамматическим значением совпадают. Можно перечислить все морфемы, которыми может быть оформлена глагольная основа:

- *-(ə)n*: PRES.1PL, PRES.3PL, PST.PTCP, INF
- *-t*: PRES.3SG, PRES.2PL, PST.PTCP, IMP.PL
- *-st*: PRES.2SG
- *-dik¹*: GRD
- *gə-*: PST.PTCP
- *-∅*: PRES.1SG, IMP.SG²

¹ Формы причастия и герундия могут также присоединять к себе именные окончания (множественное число, падежные формы, сравнительная превосходная степень).

² В данной работе использованы следующие сокращения: для всех форм настоящего времени будет указано только лицо и число (3SG вместо

Продуктивная модель должна предусматривать автоматический выбор алломорфа для заимствованной лексики. Собственно, выбор нужно делать в трёх случаях:

1. Выбор между *-n* / *-ən* определяется одними и теми же фонетическими правилами и для заимствований, и для идишских глаголов: если основа заканчивается на ударный гласный, дифтонг, а также *n*, *m*, *ng*, *nk*, *l*, выбирается *-ən*, в остальных случаях *-n*.

2. Выбор суффикса причастия *-(ə)n* / *-(ə)t* является лексическим. Суффикс *-(e)n* употребляется с тремя типами глаголов¹.

Первый тип — и исторически сильные глаголы (*trinkən* — *gətrunkən* / *пить*), образование причастий от которых, как правило, сопровождается изменением гласной в корне. У некоторых сильных глаголов не происходит изменения гласной в корне (*forn* — *gəforn* / *ехать*) — именно с этим связана оговорка «исторически сильные глаголы»².

Второй тип составляют глаголы, омонимичные во всех формах, кроме причастия, у которых причастие с суффиксом *-n* возникло позже как вариант (*glajxn* — *gəglixn* / *сравнивать*, *gəglixn* / *напоминать*). «Поскольку сильные глаголы являются результатом общегерманского развития, причастия с назальным суффиксом имеют преимущественно германское происхождение» (Jacobs, 2009: 213-214)³.

Третий тип представляют глаголы, форма прошедшего времени которых образуется с помощью глагола *быть*. Например, *gəfeln нравиться*, *štarbn умирать*.

Глаголов, которые присоединяют суффикс *-t*, значительно больше, и это в том числе глаголы с заимствованной основой (которые зафиксированы в словаре). Таким образом, можно утверж-

PRES.3SG), краткие причастия прошедшего времени обозначены РСТР, для артиклей — только определённая/неопределённая.

¹ Глаголы, причастия от которых образуются с помощью суффикса *-n*, могут сочетать в себе качества, характерные для нескольких групп.

² Подробнее об отличиях классов глаголов в идише от рядов аблаута в немецком см. (Zatetski, 1926: 91).

³ «Единственное исключение представлено глаголом ивритско-арамейского происхождения *šextn-gəšoxn* 'совершать ритуальное убийство'» (Jacobs, 2009: 214).

дать, что продуктивной формой для образования причастия является форма с суффиксом *-t*.

3. Наличие или отсутствие приставки *gə-* в форме причастия прошедшего времени. Приставка *gə-* не добавляется, если первый слог основы безударный. Поэтому в класс глаголов без приставки *gə-* в причастии попадают все глаголы с неотделяемыми безударными приставками (*far-*, *cə-*, *gə-*, *ant-*, *ba-*, *dər-*, *də(z)-*) и заимствованные основы с ударениями не на первый слог: *ba-gajstərn vooduševljatʹ*, *baləbatəvən hozjajničatʹ* (Jacobs, 2009: 209-210). Все остальные глаголы имеют приставку *gə-* в форме причастия прошедшего времени.

Формы, заканчивающиеся на *-st* и *-dik* однозначно указывают на определенное грамматическое значение, не являясь омонимичными. Они же, первая в силу своей семантики (редка в нарративе), вторая в связи с грамматической перефирийностью, крайне редко встречаются в нашем материале и ни разу не встретились в сочетании с заимствованной основой. Формы со значениями 1SG или IMP.SG (то есть с нулевыми флексиями) для заимствований в материале не встретились.

Таким образом, предметом нашего рассмотрения становятся следующие глагольные формы:

- формы настоящего времени (3SG, 2PL, 1PL, 3PL)
- инфинитив, который употребляется в сочетании с модальными глаголами а также в аналитической конструкции будущего времени (сравнительно небольшое число примеров в нашем материале)
- все аналитические формы, в состав которых входит причастие прошедшего времени, могут представлять интерес, но в экспедиционных записях встречаются только формы прошедшего времени (самые частотные в нашем материале), а также пассивные конструкции.

Принимая за норму оформление заимствования по продуктивной модели, рассмотрим теперь подробнее возможные отклонения от этой нормы.

3. Анализ

3.1. Особенности синтетических форм заимствованных лексем

3.1.1. Настоящее время и инфинитив

Продуктивная модель образования настоящего времени выглядит следующим образом: к основе глагола прибавляются личные окончания *-st*, *-t*, *-n*. Алломорф *-ən* используется, если основа заканчивается на ударный гласный или ударный дифтонг а также *n*, *m*, *ng*, *nk*, *l*. Если основа заканчивается на ударный гласный или ударный дифтонг а также *n*, *m*, *ng*, *nk*, *l*, перед окончанием добавляется тематический гласный *-ə*. Так в примере (2) заимствованная основа оканчивается на ударный гласный *a*:

- (2) *zej afilə vapros-n atvečəət jidiš*
они даже вопрос-PL отвечать-3SG идиш
Они даже на вопросы отвечают на идише.

Стоит ожидать, что такой способ включения русской основы в идишское предложение будет самым распространённым при переключении кодов у билингов: «Вне зависимости от того, насколько свободно носитель владеет языком, должно быть проще использовать глагольную основу с аффиксами из другого языка или существительное в именной группе, построенную по правилам другого языка, чем порождать на всех уровнях монолингвальный элемент» (Myers-Scotton, 1988). Тем не менее, включение русских глагольных лексем в спонтанной речи на идише чаще сопровождается адаптацией.

В предложении (3) заимствованная основа также оформлена по правилам идиша:

- (3) *mə nem-t fir plastinə-s macə-s mə drobə-t*
IMPE брать- четыре пластина- маца- IMPERS дробить-
RS 3SG PL PL 3SG
Берут четыре пластины мацы, дробят.

В этом предложении носитель несколько секунд подбирал идишский аналог, но использовал русское слово *дробить* вместо идишского *sebrexn lomaty, drobity*. Эту форму можно интерпретировать и как идишскую, и как русскую форму третьего лица единственного числа. Но в русском языке в неопределённо-личном предложении глагол должен стоять во множественном числе (*бе-*

рут, дробят), а по правилам идиша он должен стоять в единственном числе, как в данном примере. Если заимствованную основу оформить по правилам идиша, то получится форма *drobat*.

Проанализировав большое количество примеров идишских причастий, образованных от русских глагольной основ, можно вывести следующее правило:

Если заимствованная основа оканчивается на любой гласный, кроме *-i*, эта основа не усекается и к ней прибавляется тематический гласный *-ə* и окончания. Если основа оканчивается на гласный *-i*, то она усекается, а гласный *-ə* и окончания прибавляются к усечённой основе. В нашем корпусе встретилось сравнительно немногочисленных случаев употребления инфинитива, и все они подчиняются тому же правилу, что и формы настоящего времени.

3.1.2. Причастия прошедшего времени

В нашем материале есть большое количество примеров на верно образованное аналитическое прошедшее время, в котором причастие смыслового глагола образовано от заимствованной основы.

(4) *un me ho-t ništ uspeə-t ci ge-ən in xejdər*
и - иметь-3SG не успеть-PTCP INF ходить-INF в хедер
И не успевали ходить в хедер.

(5) *di rish-n hob-n asvabaždaə-t bəsarabiə*
DEF.ART русский-PL иметь-PTCP освобождать- Бессарабия
PTCP

Русские освободили Бессарабию.

Таких причастий много (*ustroət, razrəšaət, priglašəət, gatovət, uspeət, vstrəčaət, geslužət, gesmeət* и т.д.).

Стоит отметить, что причастия образуются по определенным правилам: к заимствованной основе всегда прибавляется тематический гласный *ə*, после которого идёт суффикс *-t*. Иногда это правило нарушается, и тематический гласный прибавляется к усечённой основе русского глагола. В материале встретилось два варианта причастия от основы глагола получаться: *palučət* и *palučəət*, из которых первое причастие образовано от усечённой основы. При-

чем, видимо, вторая форма с точки зрения носителя правильная, а первая нет, он сам себя поправляет:

- (6) *S ho-cax¹ nit palučə-t baj mir.*
 это иметь-3SG.RFL не получать-PTCP у я.DAT
Mir ho-cax Nit palučə-t azoj blaab-n dortn
 я.DAT иметь- не получать-PTCP так остаться-INF там
 3SG.RFL

У меня не получилось. У меня не получилось так там остаться.

Наличие или отсутствие приставки в глаголах с основой, заимствованной из русского, зависит, так же, как для идишских основ, от наличия или отсутствия ударения на первом слоге. Поэтому причастия, образованные от приставочных русских глаголов (*priglašət*), так же, как и идишские, не получают приставку *gə-*.

В речи носителей встречаются и более существенные нарушения грамматики при образовании форм причастия. В следующих примерах носитель употребляет по-разному образованную форму причастий даже от довольно частотного глагола *учиться*:

- (7) *man-ə momə dort gə-lern-t zix dort gəveyn ol-ə jid-n*
 мой- мама там PTCP- REFL там быть. весь- еврей-
 FEM учиться- PST PL PL
 PTCP

Моя мама там училась, там все были евреи.

- (8) *zi gə-lern-en zix in... du*
 она PTCP-учиться-PTCP REFL в здесь
Она училась в... здесь.

В примере (7) глагол *lærnen zix учиться* стоит в правильной форме, в то время как тот же носитель позже (пример 8) образовал причастие тот же глагола по непродуктивной модели, что неверно для данного глагола. Едва ли такое смешение грамматических

¹ Если форма оканчивается на *-t* (например, форма 3SG), и за ней следует безударная рефлексивная частица *zix*, то в устной речи такая конструкция сливается в единую форму ROOT-*cəx*.

форм можно отнести к результатам влияния русского языка, но это свидетельствует как минимум о степени сохранности идиша.

3.2. Особенности аналитических форм: Опущение вспомогательного глагола в аналитических конструкциях

3.2.1. Прошедшее время

Задачей экспедиции в Бессарабии был сбор нарратива, поэтому прошедшее время оказывается в текстах самым частотным.

Форма прошедшего времени восходит к перфекту, но во многих современных германских языках — в том числе, в идише — заняла нишу аориста:

AUX + PST.PTCP

Вспомогательный глагол выбирается в зависимости от семантики смыслового глагола — *hobn* иметь или *zajn* быть: «*zajn* употребляется с глаголами движения, состояния и подобными им» (Jacobs, 2009: 217), *hobn* – со всеми остальными.

На синхронном уровне в идише не принято выделять перфект. Однако в литературе встречается две периферические конструкции для выражения перфектного значения, которые описаны в работе (Федченко, 2015). Эти конструкции достаточно сложны и в речи неуверенных и слабых носителей идиша, к сожалению, не встречаются. Носители избегают сложных конструкций и длинных аналитических конструкций, что часто приводит к опущению необходимых вспомогательных глаголов.

Модель образования формы прошедшего времени без вспомогательного глагола, а также грамматическая семантика такой модели подробно рассмотрена в статье (Taube, 1982). В этой работе автор выделяет следующие оттенки значения у глагольных форм, образованных по этой модели:

1) Эллипсис встречается в коротких фразах диалога.

- (9) *vidər a mol gə-vejn-t !*
 опять РТСР-плакать-РТСР
Опять (ты) плакал!

Таубе отмечает (Taube, 1982: 334), что такая конструкция возникает под влиянием славянских языков. Так, в диалоге с лит-

ваком¹ Шолом-Алейхем пародировал речь носителя литовского идиша, в которой в прошедшем времени отсутствуют вспомогательные глаголы. Едва ли можно говорить о прямой связи литовского и бессарабского идиша, и схожесть грамматической конструкции, возникающей, вероятнее всего, действительно под влиянием славянских языков, вероятно, характерна для всех диалектов.

2) Перфектное значение с «сильными» глаголами, причастие от которых образуются с помощью суффикса *-n*. Однако, со «слабыми» глаголами такая конструкция также встречается в «интенсивном повествовании» (Taube, 1982: 338).

В нашем материале подобных примеров эллипсиса много. Какую из перечисленных Таубе функций выполняет такая конструкция в речи носителей бессарабского идиша сегодня, не совсем ясно. Несмотря на то, что интервью — это диалог, большая часть примеров всё же встречается в монологах носителей (от трёх предложений и больше). Вероятно, употребление таких конструкций с перфектным значением можно объяснить «интенсивным повествованием». В некоторых случаях такое объяснение кажется оправданным: предложение (10) — последнее предложение короткого монолога о путешествии:

- (10) *naan šu gə-flig-n nann šu! strašnə*
 девять час РТСР-лететь-РТСР девять час страшно
Девять часов летели, девять часов! Страшно.

Стоит отметить, что носители, в речи которых регулярно встречаются подобные конструкции, не вполне свободно владеют идишем. В их речи не встречаются сложные грамматические конструкции, а активный словарь достаточно ограничен. Это, однако, никак не связано с количеством переключений кодов: носитель может говорить плавно, не испытывать трудностей при употреблении идишских лексем и не употреблять адаптированные под идишскую грамматику русские основы, но, тем не менее, в его речи будет большое количество эллиптических конструкций в прошедшем времени. Сохранной, как правило, остаётся конструкция: *s'iz*

¹ Носитель литовского, т.е. северного диалекта идиша, который был распространён на территории современной Белоруссии, Литвы, Латвии, а также в некоторых районах Польши и России (Katz, 2007: 145-154).

gəven (это) было, даже если все остальные глаголы в прошедшем времени выражены только причастием. Следующие предложения принадлежат одному носителю:

- (11) *ni s iz dortn gəvejn... in nux gəven savetskaja vlast'*
 ну это быть. там быть.РТСР и ещё быть. советская
 3SG РТСР власть
Ну там была... и ещё была советская власть.

- (12) *dortn in Kaləraš som-ə jidiš gə-red-n*
 там в Калараш совершенный- идиш РТСР-говорить-
 F.SG РТСР
Там, в Калараше, говорили на чистом идише.

В предложении (12) пропущен не только вспомогательный глагол *hobn*, но и подлежащее: здесь можно было бы ожидать встретить формальное подлежащее *ten человек*. Несмотря на то, что в вопросе была использована форма причастия *ge-red-t*, то есть образованная по продуктивной модели, отвечая на вопрос, носитель образует форму по непродуктивной модели с суффиксом *-n*. Кроме того, порядок слов в этом предложении не вполне соответствует порядку слов в нормативном идише, где глагол занимает вторую позицию в предложении.

3.2.2. Настоящее время

Одно из возможных влияний русского на идиш — опущение вспомогательного глагола. В гораздо большей степени это проявляется в прошедшем времени, где смысловой глагол стоит в форме причастия прошедшего времени, но в настоящем времени то же имеет место в предложениях со сложными предикатами. В норме в предложениях, подобных (13) обязательно должен присутствовать глагол-связка:

- (13) *Ix bin štark jing*
 Я быть.1SG очень молодой
Я очень молодой.

Конструкция без финитной формы глагола *быть* в настоящем времени в литературном идише неграмматична (Jacobs, 2009:

263). Тем не менее, такие конструкции встречаются в нашем материале:

- (14) *dort ba di jid-n in Grozny ništ jidiš ladino*
там у DEF еврей- в Грозный не идиш ладино
PL

Там у евреев в Грозном не идиш, ладино.

- (15) *der zin inžaner*
DEF сын инженер
Сын инженер.

Предложение (15) по-русски будет строиться так же, т.е. без глагола связи. Кажется вполне естественным предположить, что такие конструкции в идише у слабых носителей возникают под влиянием русского. Грамматическая конструкция в примере (14), возможно, демонстрирует еще одно контактное явление. В ней нет не только финитной формы глагола, но при существительном нет двойного отрицания, которое в такой позиции обязательно в нормативном идише (Jacobs, 2009: 252). Кроме отрицательной частицы *ništ* необходимо добавить частицу *kejn*: *iz ništ kein jidiš*. Фраза на идише, произнесённая информантом, полностью соответствует русской: ‘не идиш’ – *ništ jidiš*. Таким образом, в этой конструкции присутствует изменения, которые можно интерпретировать как влияние русского языка.

3.2.3. Пассивные конструкции

Пассив в идише может быть выражен финитной формой глаголов *vern/zajn* (*становиться/быть*) с причастием. В сочетании с глаголом *zajn* (аналитическое прошедшее от пассива) пассивная конструкция приобретает результативное значение (Nath, 2009: 183).

В материале есть примеры такого употребления пассива:

- (16) *iz gəvejn azoj prigatov-ət a sax esn*
быть.3SG быть.ПТСР так приготовить- много еда
ПТСР

Было так приготовлено много еды.

Один пример стоит рассмотреть отдельно.

В данном случае возвратная частица *zix* относится к инфинитиву *saəđiniaəp* и не обозначает местоимение *себя*. Глагол с тем же значением в идише тоже возвратный (*zix farbindn*), поэтому нельзя с уверенностью утверждать, адаптирован русский глагол по правилам идишской глагольной морфологии или здесь смешаны две грамматические модели — модель адаптации и возвратная конструкция, которая возникла под влиянием идишской лексики.

5. Статус заимствованных основ: переключение кодов, смешение кодов или вставленные слова

Сложно однозначно определить статус глаголов с русскими основами в речи информантов. Подробный анализ разных подходов к решению этой проблемы содержится в дипломной работе [Матевосян 2011]. Можно воспользоваться следующими критериями:

- приспособлено ли слово к системе заимствующего языка

При адаптации русских глагольных основ выбирается та грамматическая модель, по которой образуются идишские глаголы с соответствующими фонетическими характеристиками (положение ударения, конечная фонема основы). Таким образом, можно считать, что лексема адаптируется в фонетическую систему идиша.

- замещается ли слово синонимами из родного языка

Корпус устной речи на бессарабском идише невелик, поэтому на его основании вряд ли возможно сделать вывод о том, какая лексема — заимствованная или исконная — встречается чаще.

- заимствования редко состоят более чем из одного слова (т.е. не заимствуются словосочетания)

В большинстве случаев, которые мы рассмотрели, глагол — единственная заимствованная лексема в предложении (если не считать заимствований, характерных для всех диалектов), т.е. не исключается ни та, ни другая трактовка.

- смещается ли семантика слова

Семантика таких заимствованных глаголов сохраняется. При этом семантика более укоренившихся в языке заимствований, например, *zix ojstmiəp ustam*, может быть смещённой.

В работе (Myers-Scotton, 1988) представлено три критерия различения случаев переключения кодов и лексических заимствований.

1) В речи билингов могут присутствовать только заимствования, а переключение кодов доступно только билингам. Однако этот критерий не позволяет утверждать, что билингам свойственно только переключение кодов.

2) Есть различие в психолингвистическом статусе заимствованной лексемы. Если заимствование устоялось в языке, это значит, что оно вошло в ментальный лексикон носителей. Но, к сожалению, на нашем корпусе мы не можем проверить распространённость конкретных глагольных заимствований.

3) причиной заимствования может быть разница между социо-политическими статутами двух языков. Лексемы из доминантного языка, как правило, легко заимствуются в более слабый язык. В случае с идишем такое влияние очевидно: идиш не только не имеет высокого статуса, но и даже не является языком ежедневного общения для большинства носителей.

По перечисленным критериям заимствованные русские глаголы в идише имеют статус либо заимствований, либо вставных слов. Точно определить их статус не позволяет объём корпуса.

6. Выводы

Не все рассмотренные явления можно с уверенностью интерпретировать как контактные. Некоторые могут свидетельствовать о языковом сдвиге, некоторые являются результатом языкового контакта.

В синтетических глагольных формах наблюдаются следующие изменения:

- К заимствованной глагольной основе при словоизменении прибавляется тематический гласный *a*, причём конечный гласный основы не усекается во всех случаях, кроме основ на *-i*.
- Также носители могут оформлять причастие прошедшего времени от идишских глаголов неверными суффиксами. Контакт с русским языком не является непосредственной причиной этого явления, и оно свидетельствует скорее о степени сохранности идиша.

В аналитических глагольных конструкциях можно наблюдать несколько существенных грамматических особенностей.

- Один из результатов контактного влияния — опущение вспомогательного глагола в настоящем и в прошедшем времени. Явление, характерное для всех диалектов идиша, в речи слабых носителей бессарабского идиша проявляется особенно часто.
- Для аналитических форм, образованных от русских возвратных глаголов, характерна идишская возвратная частица *zix*.
- Пассивные конструкции крайне редки в речи носителей, и те немногие примеры, которые у нас есть, свидетельствуют о смешении русских и идишских пассивных и безличных конструкций. Недостаток материала не позволяет нам сделать достаточно чётких выводов.

Библиография

Jacobs Neil. G. *Yiddish: a Linguistic Introduction*. UK: Cambridge University Press, 2009.

Katz, Dovid. *Words on fire*. New York, 2007.

Myers-Scotton, Carol. Code-switching as indexical of social negotiations. In: Heller, M. (ed.). *Codeswitching*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.

Nath, Holger. The Passive in Soviet Yiddish. In Groninger Arbeiten zur germanistischen Linguistik, 49, pp. 182-199, [Электронный ресурс]. URL: <http://gagl.eldoc.ub.rug.nl/FILES/root/2009-49/2009-49-09/2009-49-09.pdf> (дата обращения: 18.06.2014).

Taube, Moshe. Le Parfait Participial en Yiddish. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris* 77. Paris, 1982. P. 331–340.

Zaretski, Ajzik. *Praktiše jidiše gramatik far lerers un studentn*. Moskve, 1926.

Матевосян, Нелли. Русско-армянское переключение кодов и русские заимствования в ВАНК. Дипломная работа. Москва, 2011.

Федченко, В.В., Развитие видо-временной семантики у маркеров пассивного залога в идише. *Вопросы языкознания*, 3, М., 2015.

Tatyana Panova

National Research University — Higher School of Economic

Contact effects in Bessarabian Yiddish verbal morphology

Abstract: The present study describes the recordings made in a language documentation expedition to Bessarabia in 2012. All the native speakers are bi- or trilingual, though Rumanian doesn't play any role, while Russian has had strong influence on their speech. Based on dictionaries and grammars, we can relatively easily distinguish this effects from the results of earlier interaction with Slavic, which is now part of standard language or Eastern Yiddish. In this paper I will focus on verbal structures alternations that involve both vocabulary and syntax.

Keywords: Yiddish, language contacts, lexical borrowings.